

Т.А. Воронина

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПОСТА

На современном этапе этнографических исследований в России изучение религиозности во всех ее проявлениях предполагает обращение к самым различным сторонам материальной и духовной культуры русского народа¹. В полной мере это относится к проблеме постов, под которыми подразумеваются главным образом ограничения в повседневном пищевом рационе в определенные периоды и дни церковного календаря, сопровождающиеся духовно-нравственными задачами. Соблюдение постов уходит в далекое прошлое, упоминания о них, как известно, содержатся в Священном Писании – в Ветхом и Новом Завете, хотя конкретных сроков постов в них не приводится: история этого явления требует дополнительного изучения. У разных этносов и различных конфессий посты имели свои особенности. С распространением христианства уточнялись мера и строгость поста. О том как постились первые христиане, можно составить представление по аскетической практике основателей монашества и святых отцов Церкви.

С принятием христианства на Руси (988 г.) посты постепенно стали соблюдать все слои населения. Самые ранние упоминания о постах можно обнаружить среди первых нормативных источников – в памятниках канонического права. Так, в «Канонических ответах митрополита Иоанна II» и «Заповеди митрополита Георгия» (XI в.) сказано об особенностях питания в дни поста, обязательного для всех, за исключением маленьких детей и больных. Новгородский епископ Нифонт был известен знанием канонов и обычаев Восточной Церкви, что нашло отражение в его ответах на различные вопросы прихожан, обобщенных в «Вопрошаниях Кирикова» (XII в.). Ответы свидетельствуют об устоявшейся практике постов и вместе с тем о незнании некоторыми мирянами особенностей постного стола в отдельные дни. По-видимому, таких вопросов было немало и в последующее время, отчего в «Поучении духовника исповедающимся» (XIII в.) указывались сроки постов и характер пищи для прихожан; о запретах на скоромную пищу говорится в ответах Киевского митрополита Киприана игумену Афанасию (XV в.)². И подобных примеров можно привести очень много.

Строгое соблюдение постов в России удивляло иностранцев, неоднократно посещавших русских царей в XVI–XVII вв. Они оставили большое число записок, давно привлечших внимание исследователей. Несмотря на то, что многие характерные и положительные черты русского народа иностранцы истолковывали превратно, а исторические факты зачастую искажали, в «сказаниях» А. Олеария, С. Герберштейна, Р. Ченслера, К. Адамса, С. Коллинза, С. Кихеля и многих других можно встретить немало свидетельств об особенностях поведения русских во время постов³.

Чтобы нагляднее представить, какое место занимают посты в народной жизни, достаточно сказать, что из 365/6 календарных дней года на длительные, или многодневные (Великий, Петров, Успенский, Рождественский), и однодневные посты приходится около 220 дней, то есть большая часть года. Помимо обязательных постов, время проведения которых регламентируется уставом Русской Православной Церкви, часть верующих добровольно налагала на себя дополнительные посты.

В соответствии с религиозными установками питание русского народа в течение года четко разделялось на постные дни, когда запрещалось есть «скоромное» – мясные и молочные продукты, яйца (а в отдельные дни и рыбу) и «мясоед» – дни, когда ассортимент употребляемых в пищу блюд по составу не ограничивался.

В практике постов возникли многие слова и выражения, ставшие неотъемлемой принадлежностью повседневной лексики, бытовавшие в разных регионах России. Слова «пощенье», «постованье», «постничанье», «поститься» и другие означали не

есть скоромного. Людей, особенно строго соблюдавших пост, называли «постник», «воздержник», а их образ жизни – «постнический». Более широкий смысл имело слово «говение», означавшее благочестивый обычай не просто быть умеренным в еде, не есть скоромного и даже сладкого (обычно не меньше трех дней), но и регулярно посещать богослужения в храме, а потом приступать к исповеди и причащению Святых Тайн. Такое поведение отразилось в словах «говеть», «гавливать». Последний день перед началом длительного поста называли «заговенье»⁴.

Разумеется, пост как часть церковной культуры обращал на себя внимание богословской науки. В этой области знаний имеются специальные исследования: в одной работе пост рассматривался как «покаянная» дисциплина, в другой – в связи с описанием религиозного быта в прошлом⁵. Необходимо отметить, что, рассматривая пост с религиозной точки зрения, богословы привлекали историческую и этнографическую литературу, в то время как светские историки долгие годы были лишены возможности изучать православие. В исследованиях зарубежных авторов рассмотрен пост других конфессий. Однако их работы зачастую ограничивались вопросами повседневной практики воздержания католического монашества эпохи средневековья⁶. Так получилось, что место поста в народной культуре, его связь со многими особенностями быта, нравственные аспекты соблюдения поста недостаточно изучались этнографической наукой.

Все сказанное свидетельствует о назревшей необходимости специального исследования практики поста в обычной мирской жизни. Автором уже намечены основные вопросы изучения поста в исторической перспективе, а также и связанных с ним особенностей питания русских⁷. Однако значение поста в жизни православного русского человека не сводится к ограничениям в пище, он оказывал влияние на многие стороны духовной и материальной культуры, поэтому необходимо определить историко-этнографические аспекты его исследования, выделить круг основных проблем, требующих рассмотрения в первую очередь.

Хронологические рамки такого исследования должны охватывать значительный период, начиная с первых веков христианства на Руси и вплоть до современности. Однако, если исходить из состояния источников, то следует признать, что наиболее доступными оказываются материалы прошлого века, обеспеченного разнообразными сведениями о посте. Сюда относятся ответы на программы различных научных обществ, прежде всего Русского Географического общества, созданного в середине XIX в. в Санкт-Петербурге. Особенно ценны материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, больше известного как Тенишевское бюро. Они представляют собой ответы корреспондентов из 23 губерний на различные вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», включавшей около 500 пунктов, и хранятся в Российском Этнографическом музее. Много интересной информации имеется в отдельных выпусках светской и церковной периодики, в мемуарах современников, в художественной литературе. Таким образом, материалы о посте в прошлом веке представлены достаточно полно и разнообразно; сведения же, относящиеся к XX в., дает преимущественно полевой материал.

Одной из основных задач исследования является рассмотрение специфики поведения представителей различных сословий – дворянства, купечества, мещан и крестьян – во время поста. Это касается особенностей внешних проявлений религиозности в различной социальной среде: характера питания, отношения к окружающим, близким, знакомым и незнакомым людям (странникам, нищим, заключенным) как в обычные, так и в праздничные дни.

Так, например, яркие примеры благочестия можно наблюдать в среде славянофилов. Мы имеем в виду, в частности, А.С. Хомякова. В образованном обществе, его окружавшем, соблюдение постов признавалось делом второстепенным, достойным только низших слоев населения. Для многих необычным было поведение известного поэта и философа, который постился независимо от того, где он находился: на службе, в походе, дома или в гостях. Важно подчеркнуть, что образцом для подражания была

его мать М.А. Хомякова (урожденная Киреевская), также строго соблюдавшая все посты. Помимо постных дней – среды и пятницы – она постилась еще и в понедельник⁸.

В известной степени источником при изучении практики поста может служить художественная литература, в собирательных образах которой отразились идеалы XIX в. Один из примеров – известный роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», в котором мать героя Евгения Базарова – «настоящая русская дворяночка» – изображена как очень верующая женщина. Она строго постилась, не ела голубей, зайцев, раков, устриц и другой пищи, запрещенной Церковью. Полная противоположность – ее сын-нигилист, отрицавший религию в любых ее проявлениях. Можно найти образы представителей дворянского сословия, соблюдавших посты, и в произведениях других русских писателей, например, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Н.С. Лескова.

Сведения о том, что многие представители дворянства, а также чиновники государственных учреждений строго соблюдали пост, встречаются в эпистолярной литературе. Так, например, И.С. Аксаков, будучи в Петербурге в 1848 г., писал матери в Москву: «Говорят утвердительно, что весь двор едет на Страстную неделю в Москву, там будет говеть и встретит Пасху». Чуть ближе к концу Великого поста он сообщает: «...был вчера и третьего дня несколько раз в департаменте, но по случаю Страстной недели все оставили занятия, все говеют, моются в банях и собираются жуировать на святой (неделе. – *Т В.*)»⁹. Подтверждением тому, что высшие слои общества постились, находим у писателя М.И. Пыляева, сообщающего, что в 30–40-е годы XIX века в Петербурге во время Великого поста не только в русских, но и в немецких ресторанах подавали постные блюда. Например, в «Строгановском» трактире, расположенном на Невском проспекте, еда на первой и Страстной неделях ничем не отличалась от монастырской: готовили только блюда из грибов, гороха и кисели. Чай пили с изюмом и медом, варили сбитень (горячий напиток из меда с пряностями)¹⁰.

Публикации последних лет возвращают нас к известным ранее фактам, опровергающим представления о купечестве как об обществе невежественных и необразованных людей. Этому способствовали работы А.И. Аксенова, П.А. Бурыйшнина и других авторов, сообщающих о благотворительной деятельности многих московских купцов, их вкладе в развитие отечественной культуры¹¹. Одновременно стала переиздаваться мемуарная и художественная литература, содержащая немало интересных сведений о бытовой стороне жизни русского купечества: это книги И.С. Шмелева, Н.Д. Телешова, П.И. Богатырева, И.А. Белоусова¹². Для более точного воспроизведения купеческого быта стоит обратиться к произведениям И.А. Слонова, Н.П. Вишнякова, Н.К. Крестовникова, П.Д. Боборькина, Н.П. Чулкова, В.М. Голицына, в которых имеются свидетельства о подготовке к посту и особенностях его соблюдения в купеческих домах. Существенны для этнографа воспоминания современников о том, как устраивались ярмарки и базары по случаю наступления поста, какой «постный товар» можно было на них приобрести. Многие купцы были выходцами из мещанского и крестьянского сословия, поэтому в поведении мещан и купцов в период поста обнаруживается много общих черт¹³.

Если в дворянской, купеческой и мещанской среде, наряду с замечательными образцами постнической жизни, все же наблюдалось немало примеров и отхода от поста, то среди самого многочисленного сословия русского общества – крестьянства – посты были нормой жизни. Как известно, в крестьянском мире отклонения от принятых норм поведения допускались лишь по существенным причинам, их нарушение осуждалось и порицалось¹⁴. Несоблюдение поста считалось исключением, а по тогдашним меркам – даже «богоотступничеством». Отсюда следует еще один аспект исследования практики поста: его соотношение с юридическим правом. Уместно отметить, что крестьянин, который длительное время не исповедывался и не причащался, лишался права быть свидетелем на суде¹⁵.

Предварительная работа автора статьи с материалами Тенишевского бюро, содержащими информацию о повседневном и праздничном быте, об отношении к религии,

показала значительную роль постов в жизни крестьян. Это касается как характера питания, так и духовного состояния человека: пост телесный сопровождался постом духовным.

Пища – важный компонент материальной культуры, она может служить этническим определителем, когда речь идет о сравнении культуры питания разных народов. Когда же исследуется характер питания одной этнической общности, то большой интерес представляют региональные отличия, поскольку именно они накладывают существенный отпечаток на культуру этой общности в целом. Характер питания во время постов в известной мере зависел от локальных особенностей развития сельского хозяйства, связанных с природными и климатическими условиями, позволяющими выращивать определенные зерновые и овощные культуры. Отсюда – региональная разница в питании: на севере отдавали предпочтение крупяным блюдам, преимущественно из овса, солениям, грибам и ягодам, на юге постный стол разнообразили овощи и фрукты. В Сибири русские переселенцы сохраняли приверженность к традиционному питанию предков и во время постов, но были у них и свои специфические блюда. Контакты с нерусским населением вносили дополнительные коррективы в постный пищевой рацион: население в озерно-речных краях и по морскому побережью употребляло много рыбы. Однако при строгом соблюдении церковного устава в соответствующие сроки рыбу не ели совсем, даже в рыболовецких селениях. Таким образом, исследование регионального питания во время поста в зависимости от географического фактора представляет немалый интерес.

К началу или концу поста часто были приурочены многочисленные ярмарки, торжки и базары, которые в ряде мест восполняли частичное или полное отсутствие продуктов питания растительного происхождения. Посты оказывали определенное влияние на товарные отношения. Временное неупотребление скоромного позволяло затем продать на торгах (или обменять) мясные и молочные продукты длительного хранения и на вырученные деньги купить провизию или предметы, необходимые в крестьянском хозяйстве.

Подготовка к постам велась заранее и некоторые продукты нередко распределялись на весь год, с учетом всех многодневных и однодневных постов. В пределах каждой семьи это приучало к правильному ведению хозяйства, рациональному использованию продуктов. Ответы на вопросы программы Русского Географического общества наглядно демонстрируют, каким образом посты регламентировали повседневный и праздничный стол горожанина и крестьянина¹⁶. Без преувеличения можно сказать, что на чередовании поста и мясоеда зиждилась вся основа народного питания. Однако меню постного стола зависело от степени зажиточности крестьян. Вот еще одно направление исследования: региональная вариативность меню постного стола бедного, зажиточного и богатого крестьянина.

Этнографическое изучение поста предполагает выявление различий по многим показателям. В их числе питание в будни и праздники, дифференцированное питание в рамках одной семьи (имеется в виду его половозрастная специфика), зависимость пищевого рациона от времени года и т.д. При этом необходимо учитывать различную степень строгости поста: Великий и Успенский посты более строгие, чем Петров и Рождественский, отсюда и неодинаковое отношение к ним. Но даже в пределах строгого поста необходимо выделять дни, когда воздержание в пище усиливается еще больше, например, на первой и Страстной неделе Великого поста. Интересно проследить характер питания в дни строгого поста: Рождественский и Богоявленский сочельники (соответственно – 24 декабря/6 января и 5/18 января), день Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи (29 августа/11 сентября).

Отметим еще один немаловажный аспект исследования – перенесение понятия «скоромное» (не постное) как «запретное» на предметы быта. Речь идет о домашней утвари и посуде, которой пользуются для приготовления пищи. Как уже говорилось, во время постов копили молочные продукты. В Грязовецком уезде Вологодской губернии из молока заготавливали сливочное масло, перетапливая его в печи в

глиняных горшков. Однако посуду, которой при этом пользовались, и остальную утварь, бывшую в ходу в скоромные дни, держали в дни поста отдельно. Грехом для женщины считалось не только употребление «скоромной» посуды, но даже случайное прикосновение к ней. Поэтому каждая деревенская хозяйка считала своим долгом иметь «постную» посуду – горшки, миски, ножи, ложки, которыми пользовались в дни поста¹⁷.

Не всякая хозяйка соглашалась в постный день продать кринку молока из боязни согрешить. В Галичском уезде Костромской губернии крестьяне не давали скоромное даже проезжим людям; исключение делали только для неправославных¹⁸.

Вообще к тем, кто не соблюдал посты, относились с осуждением, а не постилась, заметим, главным образом сельская интеллигенция. Во Владимирской, Вологодской и других губерниях с осуждением относились к инаковерующим – протестантам, католикам, значительно отошедшим от основ христианской веры и не соблюдавшим посты так строго, как православные¹⁹. Для крестьян правильное соблюдение постов (по церковному уставу) было предметом гордости. Можно сказать, что в строгости соблюдения постов отразился менталитет русского человека и в более широком смысле – самосознание русских.

Известно, что помимо постов, соблюдаемых по церковному уставу (обязательных постов), у многих крестьян имелись еще дополнительные посты. Прежде всего это относится к постам, соблюдавшимся в той или иной местности по обычаю предков. Все они были связаны с какими-либо тяжелыми событиями, имевшими место в давние времена, чаще всего – со стихийными бедствиями или повальными болезнями, неурожаями, государственными смутами и войнами. Такие посты называли «нарочитыми».

Отечественная история знает немало примеров нарочитого поста. В 1395 г., когда для защиты от хана Тамерлана в Москву была принесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери, во всех храмах совершали молебны, а прихожане соблюдали строгий пост. В 1654 г., когда в Коломне началась моровая язва, жители города постились в течение трех дней. Та же болезнь в 1655 г. постигла жителей города Вологды. Построив храм во имя Спасителя и избавившись тем самым от страшного бедствия, жители города дали обет ежегодно за неделю до 18 октября блюсти пост²⁰.

В сельской местности соблюдение дополнительных постов было связано с неурожаем или засухой, во избежание которых совершался крестный ход с водосвятным молебном. Несомненный интерес поэтому могут представить побудительные причины проведения дополнительных крестных ходов и региональные особенности соблюдения аналогичных постов. Многие из них были связаны с именем какого-либо святого. Так, в Вологодской губернии соблюдали Прокопиевский пост, установленный в память Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца (умер в 1303 г.), спасшего г. Великий Устюг от градобития. По сообщению корреспондентов Тенишевского бюро, многие крестьяне добровольно постились неделю до дня памяти святого – 8/21 июля, а некоторые не делали перерыва после дня святых апостолов Петра и Павла (29 июня/12 июля), удлинняя тем самым Петров пост до Прокопиева дня. В Орловской и Вятской губерниях соблюдали Иванов пост – в память святого Иоанна Предтечи (за неделю до 29 августа/11 сентября), а также Михайлов пост, чтобы угодить архангелу Михаилу²¹. Этот ряд примеров может быть продолжен. Особый интерес для исследователя духовной жизни представляют так называемые «личные» посты, которые кое-где блюдутся и поныне. К ним, например, относятся посты, соблюдавшиеся девушками. И. Калинин сообщает, что они «выпацивали» себе женихов накануне праздника великомученицы Екатерины (24 ноября/7 декабря), а также перед днем святого апостола Андрея Первозванного (30 ноября/13 декабря)²².

Упомянутый выше пост по понедельникам – это пост, посвященный бесплотным силам небесным, или ангелам, поэтому его еще называют «ангельским». По понедельникам постятся в монастырях, в миру же «понеделничают» в основном женщины. Прежде этот пост строго соблюдали девушки, которые по каким-либо причинам не

выходили замуж и в миру вели монашеский образ жизни, поэтому их называли «черничками». В Скопинском уезде Рязанской губернии, например, они проживали в родительском доме или в отдельно построенной для них избе-келье, отсюда еще одно название таких девушек – «келейницы»²³. Взрослые женщины постились по понедельникам обычно после того, как принимали обет не есть скоромное в этот день недели в дополнение к остальным обязательным постным дням. Вообще такой пост можно отнести к «обетным», соблюдаемым крестьянами в связи с какими-либо жизненными обстоятельствами. В Медынском уезде Калужской губернии чаще всего понедельничали женщины, у которых дети умирали в раннем возрасте или часто болели, т.е. это был пост «за детей». (В наше время пост по понедельникам налагают на себя, сами или по благословию духовного отца, женщины, делавшие аборт.) Такой пост соблюдали повивальные бабки, «чтобы рука была легче»²⁴. Изучая эти посты, добровольно налагаемые верующими на себя, необходимо четко определять их мотивацию, а также выяснять, как согласовывалось личное желание со священником, так как обычно все, что совершается не по церковному уставу, требует его благословения.

В Орловском и Сарапульском уездах Вятской губернии некоторые крестьяне за несколько лет до смерти – «для спасения души» – совсем не ели скоромного или постепенно ограничивали употребление мяса, молока, яиц, рыбы, ничего не ели с маслом (даже с постным), воздерживались от вина и курения, а потом и вовсе переходили к каждодневной постной пище. В некоторых случаях для усиления строгости поста давали обет никогда не есть яблок, картофеля, не пить кваса. По убеждению крестьян Скопинского уезда Рязанской губернии, всякий принявший таинство елеосвящения всю остальную жизнь не должен был есть ничего мясного²⁵. К личным относится пост при исцелении, когда решение поститься в определенные дни принималось еще во время болезни. Такой пост, как правило, сочетался с определенной молитвенной задачей. Можно привести немало примеров поста по обету, хотя трудно провести между указанными видами поста четкую границу²⁶. Соблюдение постов показывает, что духовный опыт народа основывался на православном вероучении. Но поскольку эта практика в значительной степени обростала суевериями, то при сборе и анализе материала следует разграничивать постничество по церковному уставу и по народному обычаю.

Еще один важный аспект этнографических исследований поста видится в том, чтобы определить, как посты сочетались с трудовой деятельностью крестьянина, его сельскохозяйственным календарем.

Замечено, что некоторые посты, органично входившие в жизнь православных крестьян, связывались в их сознании с сезонными природными явлениями, влияющими на характер земледелия, рыболовства, охоты. Отмечая ежегодно даты наступления сезонных изменений и сопоставляя их со временем сельскохозяйственных работ, крестьяне устанавливали оптимальные сроки обработки почвы, посева семян, уборки урожая. Начало промысловых и хозяйственных дел ставилось в зависимость от чередования астрономических и климатических явлений. Для запоминания сроков наступления тех или иных природных изменений крестьяне связывали определенные дни с церковным календарем – праздниками, постами, именами святых, память которых отмечали. Народные традиции передавались из поколения в поколение, вместе с ними запоминались и меткие слова и выражения, относящиеся к постам. Но связь была не только внешней, а имела религиозно-нравственный смысл, в основе которого лежала вера в то, что ограничения телесных потребностей угодны Богу и благоприятствуют успеху в делах.

В этнографической науке не разработаны вопросы региональных особенностей хозяйственной деятельности во время Петрова поста, продолжительность которого бывает разной, так как начинается он через неделю после Троицы, а заканчивается 28 июня/11 июля – накануне праздника святых апостолов Петра и Павла. В центральных губерниях с Петрова дня наступал сенокос, раньше косить не начинали; на юге

сено убирали даже раньше, а в Сибири на сенокос выходили и позднее. По представлениям русских крестьян, тот, кто соблюдал Петров пост, мог надеяться на Божию помощь в сенокосных трудах. День святого Иоанна Предтечи (29 августа/11 сентября) связывали с концом лета: «Иван Постный пришел, лето красное увел». После праздника обычно начинали копать картофель.

Для русского человека духовная жизнь всегда значила больше, чем материальное благополучие, поэтому поститься означало не только ограничивать себя в питании определенным набором кушаний и умеренностью в еде, хотя и к этому готовились тщательно и продуманно. В значительно большей степени пост означал воздержание от недостойного поведения: в эти дни старались не ссориться, относиться к окружающим более благожелательно, чем в обычное время. В дни поста запрещалось чтение светской литературы, разрешалось читать только книги духовного содержания. Сказывался пост и на характере общественных встреч, на которых можно было петь лишь духовные песни, запрещалось играть на гармошке, предаваться веселью на посиделках²⁷. Именно в посты старались говеть, отсюда особый духовный настрой, готовность к покаянию. Все это ориентирует исследователя на чрезвычайно важный аспект в изучении поста, а именно на его нравственное значение, и может рассматриваться в рамках проблемы взаимодействия нравственности и религиозности в народной культуре.

Обращение к практике поста открывает широкие перспективы изучения нравственности на самых различных примерах: от ее состояния у высших слоев общества до проявления у непривилегированных сословий города и деревни.

Как видно из воспоминаний многих современников, например, уроженца Воронежской губернии И. Столярова, жителя с. Усть-Ницынского Тюменского округа Ф. Зобнина, в каждой семье традиция поста передавалась от старшего поколения к младшему. Таким образом дети приобщались к церковной традиции с юных лет, тем более, что это было связано с посещением храма всей семьей²⁸. Пожилые люди были авторитетами в практике соблюдения поста и придерживались более строгого воздержания от запретного, чем другие члены семьи. Особую роль при этом играли родители, и прежде всего мать, которая своим поведением подавала личный пример для подражания. Если посты соблюдались с раннего детства, то потом они уже не казались столь обременительными. Будучи закрепляемы на практике, они способствовали развитию внутренней нравственной дисциплины через личное ограничение, сначала, казалось бы, в самом простом – в еде, а потом и в поступках. Посты также совершенствовали силу воли, учили сдерживать себя во многом, соблюдать запрет. В некоторых случаях это делалось путем особых постнических подвигов и трудов. Такое поведение не оставалось незамеченным: общественное мнение выделяло более нравственных людей из окружающей среды. Источниками для изучения таких явлений могут служить как опубликованные, так и неопубликованные материалы, которые содержат немало жизнеописаний отечественных подвижников благочестия²⁹.

Как отдельную проблему можно выделить поведение молодежи во время поста, которое в значительной степени служило показателем степени религиозности жителей определенного селения, волости, уезда, а в целом – показателем духовного микроклимата: где он был более строгим, там и поведение молодежи было более сдержанным.

Посты способствовали укреплению морали, воспитанию у людей положительных качеств – воздержания, умения владеть своими чувствами и желаниями, поступать в соответствии с нормами поведения, принятыми в том или ином коллективе.

Высокий идеал нравственного совершенства виделся не только в умерщвлении плоти путем воздержания от скоромной пищи, но и в проявлении любви к ближнему, в милосердии и сострадании к тем, кто в них нуждался. Именно время постов служило чаще всего напоминанием о необходимости обратиться к людям нуждающимся и страждущим – нищим, заключенным, странникам, больным. На деле это осуществля-

лось по-разному – в виде подаяния, открытой или тайной милостыни, безвозмездной помощи³⁰.

Религиозная основа соблюдения поста побуждала отправляться на богомолье к ближним и дальним святыням. В связи с этим можно проследить географию паломнических маршрутов во время постов. Например, в Галичском уезде Костромской губернии в Великий пост ходили в женский Боголюбский монастырь близ Кадня (заштатного города Калужской губернии). В Тотемском уезде Вологодской губернии паломничество совершали в ближние обители, например, в Тотемский Спасо-Суморин монастырь, а из отдаленных святынь предпочитали новгородские и киевские. Отправившись туда во время Великого поста, домой возвращались в летнее время – к Петрову или Ильину дню. По пути посещали знаменитые придорожные церкви и монастыри, а с открытием в конце XIX века мощей св. Феодосия Черниговского заходили и в Чернигов. Жители Рязанской губернии отправлялись на богомолье по святым местам во время Успенского поста. Особенно часто они посещали Иоанно-Богословский и Николо-Радовицкий монастыри³¹.

Известно, что во время строгого поста и в отдельные постные дни интимные связи супругов не одобрялись церковным уставом. Об этом не раз упоминалось еще в памятниках древнерусского канонического права XII–XVII вв. Известно, что близкие отношения прекращались даже в царской семье. Этот порядок сохранялся и в XIX веке. В деревенской среде за ним следили особенно пристально сами жители, так как дату рождения детей, зачатых во время запретных дней, могли вычислить окружающие. В нарушении запрета находили объяснение многим болезням, от которых по непонятным для родителей причинам страдали дети. По церковному уставу, браковенчание не совершалось накануне среды и пятницы (в течение всего года), в продолжение Великого, Петровского, Успенского и Рождественского постов, накануне и в дни Усекновения главы Иоанна Предтечи, Воздвижения Креста Господня и других известных дней. Последствия нарушения запрета иллюстрируют современные рассказы о несчастьях, постигших молодых, венчавшихся постом (например, автомобильные катастрофы). Эти и другие нравственные аспекты можно обнаружить при рассмотрении вопроса о связи соблюдения поста с брачно-семейными отношениями.

Сведения о том, как постились в России вплоть до социальных потрясений в 1917 г., показывают, что неукоснительное соблюдение постов считалось в народе важным условием и свидетельством чистоты христианской веры.

Исследование практики поста в прошлом необходимо связывать с изысканиями в этой области в наше время: главным источником здесь являются полевые наблюдения. Даже при наличии данных другого рода (например, воспоминаний современников) именно они были и остаются основным источником для освещения такой широкой проблемы, как взаимодействие этнических традиций и христианства. Уже первые выезды автора статьи в 1980–1990-е годы в Вологодскую и Рязанскую обл., а также опрос жителей Москвы и Московской обл. показали, что традиции соблюдения постов ослабевала, но не прерывалась и сохранялась ревнителями православной веры.

Советская власть стремилась диктовать новые обычаи и обряды. Атеистическая пропаганда, широко развернувшаяся в 1920–1930-е годы, обрушилась на традиционные устои русского общества и особенно на уклад жизни крестьянства, заставила многих отказаться от проявления прежних религиозных воззрений. В наибольшей степени изменилось молодое поколение, среди которого активно проходила агитация за полный отказ от религии «как опиума народа». Очевидцы этих перемен отмечали, что «зачастую в пост едят скоромное, а в праздник работают»³². И тем не менее многие остались верны своим религиозным убеждениям. Особенностью советского периода в жизни верующих было то, что им приходилось скрывать свою веру и соблюдать посты в тайне. Были случаи, когда репрессированные верующие постились даже в местах заключения³³.

Совершенно не исследовано отношение к посту тех, кто был вынужден в советский период по разным причинам покинуть страну (а это были в основном верующие люди).

Изучение практики постов среди русских эмигрантов, особенно первой и второй волны, оказавшихся во Франции, Австралии, США, Южной Америке и других странах дальнего зарубежья, где соблюдение поста в какой-то степени становилось выражением «русскости», много даст для воссоздания их религиозного быта, а также для понимания причин, побудивших их уехать из России. В целом этот вопрос может рассматриваться более широко – в рамках проблемы поведения русских в иноэтничной среде.

Изменения, которые произошли в последнее десятилетие, прежде всего связанные с празднованием тысячелетия введения христианства на Руси (1988), повлекли за собой легализацию многих церковных традиций, в том числе и соблюдения постов³⁴, что сопровождалось постепенным освобождением верующих от необходимости скрывать свои религиозные убеждения. В ходе сбора автором статьи информации в указанных выше областях это подтвердилось рассказами о том, в каких условиях приходилось утаивать веру. Появилась возможность опрашивать жителей города и деревни столь же свободно, как при работе с информаторами по другим вопросам изучения материальной и духовной культуры.

Уже первые материалы, полученные мною в Вологодской обл., показали, что отход от религии значительной массы населения и внешнее игнорирование религиозных обрядов не означал забвения православных традиций. Сведения, собранные в экспедициях, подтвердили, что традиция не прерывалась и посты все же соблюдались. То же сообщили нам в Рязанской обл., где преследованиям за веру подвергалось не только духовенство, но и миряне. Специальный интерес представляет пост современных подвижников православной веры³⁵. Необходимо учитывать, что условия современной жизни сильно отличаются от прежней, поэтому практическое осуществление постов затрудняется и не всегда они могут быть воссозданы в традиционном виде: у многих людей изменились жизненные ориентиры и ценностные установки.

В настоящее время посты в семьях соблюдаются по-разному. В тех, где все верующие, соблюдаются установленные церковью посты, поэтому приготовление постной пищи не вызывает никаких проблем. В семьях, где есть верующие и неверующие, скоромную и постную пищу готовят отдельно. Это очень затруднительная ситуация, поскольку бюджет многих семей в 1990-е годы сильно сократился из-за постоянно растущей инфляции. Различия в питании довольно большие, к тому же традиционное питание подверглось значительным инновациям, что сказалось на характере постного стола вообще. Это дает исследователю возможность обратиться к проблеме пищевого рациона поста в наши дни.

Соблюдение постов многие истолковывают неправильно, видя в них средство для улучшения физического здоровья и чаще всего для похудения. Такой взгляд распространяется средствами массовой информации, всячески рекламирующими различные диеты, голодание, а также биологические добавки в пищу (преимущественно американского производства). Вместе с тем влияние последних на человеческий организм, а также последствия чрезмерного увлечения ими до сих пор мало изучены. Это ведет к тому, что нравственные аспекты соблюдения поста, его духовная значимость полностью игнорируются.

В сравнительном изучении практики поста в прошлом и настоящем видится большое практическое значение именно сейчас, когда теряются истинные моральные ценности, а взамен предлагаются мнимые, искусственные. В более широком смысле это существенно дополнит наши знания о тесной связи духовной и материальной культуры русского народа, заставит вновь обратиться к лучшим представителям этнических традиций.

Примечания

¹Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1993. № 6. С. 60–68; Громыко М.М. Этнографическое изучение религиозности народа: заметки о предмете, подходах и особенностях современного этапа исследований // Там же. 1995. № 5. С. 77–83.

- ²Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1880. Стб. 3, 4, 21–57, 103–105, 122–123 и др.
- ³Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991; Руцинский Л.П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871.
- ⁴Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1880. С. 364; Т. 3. СПб.; М., 1882. С. 345.
- ⁵Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси // Святытель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1993; архимандрит Августин (Никитин). Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995.
- ⁶Dembinska M. Fasting and Working Monks: Regulations of the Fifth to Eleventh Centuries // Food in Change: Eating Habits from the Middle Ages to the Present Day. Edinburgh, 1986. P. 152–166; van Winter J.M. Obligatory Fasts and Voluntary Asceticism in the Middle Ages // Ibid; White E. The Measure of the Meat: Monastic Diet in Medieval England // Food for the Community: Special Diets for Special Groups. Edinburgh, 1986. P. 5–42 et al.
- ⁷Воронина Т.А. Пост в жизни русских // Православие и русская народная культура. Кн. 5. М., 1995. С. 4–89; *ее же*. Пост в питании русских // Расы и народы. Вып. 25. Вопросы этнографии русского народа: традиции и современность (в печати).
- ⁸Лясковский В. Алексей Степанович Хомяков: его жизнь и сочинения. М., 1897.
- ⁹Аксаков И.С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 469, 473, 474, 686.
- ¹⁰Пыляев М.И. Старое житье. СПб., 1897.
- ¹¹Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII века. М., 1988; Бурыйшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991.
- ¹²Шмелев И.С. Лето Господне. Соч. в 2 т. М., 1989; Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
- ¹³Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы. М., 1914; Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. Ч. 1–3. М., 1903–1911; Семейная хроника Крестовниковых. Кн. 1–3. М., 1903–1904; Чулков Н.П. Московское купечество XVIII и XIX веков // Русский архив. 1907. № 2; Боборыкин П.Д. Китай-город. М., 1895.
- ¹⁴Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986.
- ¹⁵Российский этнографический музей (далее – РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 603. Л. 22; Д. 1467. Л. 17.
- ¹⁶Воронов П. Верховажский посад (Вельского уезда) // Вестник Императорского Русского Географического общества (Далее – ИРГО). Ч. 29. СПб., 1860. С. 130, 147; Архив Русского Географического общества (далее – АРГО). Р. 7. Оп. 1. Д. 31. Л. 25–27; Р. 46. Оп. 1. Д. 10. Л. 10; Д. 14. Л. 4–66.
- ¹⁷РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 145; Д. 220. Л. 23–24.
- ¹⁸Там же. Д. 583. Л. 40б.
- ¹⁹Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 309, 311; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 376. Л. 9–10, 16–18; Д. 339. Л. 47.
- ²⁰Свяц. Михаил (Труханов). Как спастись в современном мире: апология христианского поста. М., 1993. С. 27; Сказание о чудотворных иконах Богоматери и Ея милостях роду человеческому. Т. 2. М., 1993. С. 285; Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. М., 1896–1900. С. 155; Сказание о построении храма в Вологде «во избавление от смертоносной язвы» // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1893. Кн. III. Отд. 2. С. VII; Церковный вестник. 1915. 20 августа. № 33.
- ²¹Шляпин В. Житие праведного Прокопия, Устюжского чудотворца, и историческое описание Устюжского Прокопиевского собора. СПб., 1903; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 231. Л. 7; Д. 339. Л. 43; Д. 433. Л. 21; Д. 440. Л. 15; Д. 441. Л. 16.
- ²²Калинский И. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. VII. СПб., 1877.
- ²³Гульцева Л.А. Чернички // Наука и религия. 1970. № 11. С. 64; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 114; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 583. Л. 4 – 4 об.; Д. 1441. Л. 8; Д. 1465. Л. 10–11.
- ²⁴РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 540. Л. 4а–5.
- ²⁵Там же. Д. 432. Л. 44; Д. 441. Л. 5; Д. 1460. Л. 27.
- ²⁶Кремлева И.А. Обеты в религиозной жизни русского народа // Православие и русская народная культура. Кн. 2. М., 1993. С. 129.
- ²⁷Громыко М.М. Круг чтения русских крестьян в конце XIX века // В начале было слово: праздник славянской письменности и культуры в Новгороде. М., 1990. С. 194; АРГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 70.
- ²⁸Зобнин Ф. Из года в год (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа) // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 40–41; Столяров И. Записки русского крестьянина. Париж, 1986.
- ²⁹Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Январь – декабрь. М., 1909–1910.

³⁰РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 11.

³¹Там же. Д. 595. Л. 27.; Д. 1453. Л. 32.

³²Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926. С. 152.

³³Отец Арсений. М., 1993; Дурасов Г.П. Богом данная. СПб., 1994; Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1–2. Тверь, 1992–1996; Свящ. Михаил (Труханов). Воспоминания: первые сорок пять лет моей жизни. О поминовении усопших. М., 1996. С. 33–35.

³⁴Воронина Т.А. Православие в России: возвращение традиций // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 26–37.

³⁵Работа проводилась в соответствии с Протоколом, подписанным Институтом этнологии и антропологии РАН и Рязанским областным научно-методическим центром народного творчества (директор – В.В. Коростылев).

T.A. Voronina. The Problems of Ethnographic Study of the Russian Orthodox Fasts

In this article the author rises the circle of main problems of Russian Orthodox Fasts's study and historico-ethnographic aspects of its investigation: the place of the Fasts in material and spiritual culture of the Russian people, the connection with modern peculiarities, moral sense and the importance in Orthodox believers' life.